

Ли Чжаоин тоже провожал взглядом Се Юньшу, но нечаянно обернувшись, заметил взгляд Инь Ванцюаня. Это вызвало у него лёгкое недовольство, однако, помня, что Инь Ванцюань — человек Ли Гуаньцзина, он сдержался, лишь слегка кашлянул и спросил:

— Ванцюань, ты выглядишь неважно. Не заболел ли в последнее время?

Инь Ванцюань незаметно отвел взгляд и покачал головой:

— Благодарю за заботу, второй господин. Со мной всё в порядке.

Ли Чжаоин похлопал его по плечу:

— По тебе сразу видно, что что-то не так. Но раз не хочешь говорить, не стану настаивать. Если понадобится помощь — обращайся. Дела старшего брата для меня так же важны.

Сердце Инь Ванцюаня отозвалось теплом. В последние дни он пережил немало обид, да ещё чувствовал, будто Ли Гуаньцзин подталкивает его к решению, отчего стремительно росло напряжение. Ли Чжаоин же с самой первой встречи выручал его, и нынешняя доброта тронула Инь Ванцюаня ещё сильнее. Он поспешил улыбнуться, обнажив ямочки на щеках:

— Я и вправду в порядке. Напротив, если второму господину потребуется что-либо сделать — приказывайте, не стесняйтесь.

Ли Чжаоин не ожидал, что его случайные слова вызовут такую благодарность, и ему стало немного неловко. Он лишь покачал головой:

— Просто оберегай моего старшего брата. Большого мне от тебя не нужно.

Инь Ванцюань знал, что расследование Ли Гуаньцзина как-то связано с Ли Чжаоином. В этот миг, растроганный, он едва не выложил всё как есть, но в последний момент разум взял верх, и он удержался. Однако сегодняшняя встреча помогла ему принять решение, дававшееся прежде с таким трудом.

На следующий день Ли Гуаньцзин вновь собрался поговорить с Инь Ванцюанем, но посланный за ним слуга доложил, что тот помирился с Чэн Сысы и вернулся в дом Чэн. Только к вечеру Инь Ванцюань появился во дворе Ланькэ. Ли Гуаньцзину стало как-то не по себе — словно в прошлой жизни лучший друг разругался с девушкой, он уговаривал его расстаться, а наутро они уже миловались. Хотя он и был причастен к этой истории, в конечном счёте это всё же было личное дело Инь Ванцюаня. Слишком много думать — только зря тревожиться. Поэтому, задав несколько вопросов, Ли Гуаньцзин уже собирался отпустить его, но Инь Ванцюань не ушёл. Вместо этого он сам заговорил:

— В последнее время я много беспокоил вас, господин. Теперь, когда жена моя не в духе, не позволите ли вы мне остаться в Чанъани и выполнять другие поручения?

Ли Гуаньцзин не знал, удалил ли Ду Фуюнь Чэн Фэна из списка сопровождающих, потому не мог сразу согласиться. Да и непонятно было, отчего Инь Ванцюань вдруг передумал. Он переспросил:

— Ты точно решил?

Инь Ванцюань твёрдо кивнул.

Ли Гуаньцзин помолчал.

— Что ж, ладно. Я хоть и отправляюсь в Цзяннань, но дела в Чанъани тоже требуют внимания. Если ты останешься, мне будет спокойнее.

На лице Инь Ванцюаня появилась умиротворённая улыбка. Увидев это, Ли Гуаньцзин внутренне вздохнул с облегчением. Какой бы ни был итог, хоть перед отъездом эта проблема разрешилась. Если Инь Ванцюань и Чэн Сысы смогут жить дружно, то, возможно, и расставаться им не придётся.

Дни летели быстро. Накануне отъезда многие друзья навещали Ли Гуаньцзина. Цинь Цзыюй, разумеется, не стал исключением. Добыв у князя Цинь пропуск, он вместе с Чай Синь выбрал время, когда Ли Гуаньцзин был свободен, и пригласил его на целый день прогуляться в сад Фужун. По обычаю, после успешной сдачи экзаменов все новоиспечённые цзиньши отправлялись в сад Фужун, где в Абрикосовом саду устраивали «Пир в поисках цветов». Двух самых молодых цзиньши назначали «посланниками цветов» — они должны были объехать знаменитые сады Чанъани в поисках прекраснейшего цветка. Если же их опережали, «посланникам» полагалось наказание. Именно здесь когда-то состоялся пир, прославивший Ли Вэйяна.

Сад Фужун располагался на южном берегу пруда Цюйцзян и был императорским заповедником, обычно закрытым для посещения. Даже с пропуском пришлось регистрироваться в управлении внутренних дел. В назначенный день их провёл внутрь слуга. Ли Гуаньцзин бывал в саду Фужун с князем на весеннем празднике, но осенью попал сюда впервые. Цветы и деревья по-прежнему радовали глаз, однако время года было уже не то, и в тени ветвей ощущалась прохлада. С утра они прогулялись по саду, а после обеда лениво разлеглись на террасе башни Цзы Юнь погреться на солнце.

Чай Синь, увидев, что Цинь Цзыюй расположился справа от Ли Гуаньцзина, нарочно обошла его и устроилась на левом ложе. Цинь Цзыюй немного обиделся:

— Синь, я же место для тебя оставил. Почему туда устроилась?

— А я думала, ты привык к обществу Сыюаня, потому место ему приберёг.

Цинь Цзыюй приподнялся на локте:

— Ты же знаешь, Сыюань сейчас занят по уши. Не придёт он.

Ли Гуаньцзин наблюдал за их перепалкой, как вдруг услышал имя Лан Сыюаня и резко привстал, чем перепугал обоих. Чай Синь тут же спросила:

— Что такое?

— Вдруг вспомнил... — Ли Гуаньцзин, вспомнив о присутствии Цинь Цзыюя, проглотил остальное.

Цинь Цзыюй нетерпеливо подался вперёд:

— Вспомнил что? Давай, говори!

Мысль, мелькнувшая у Ли Гуаньцзина, заставила его встревожиться. Он поднялся на ноги:

— Вспомнил, что дома дела. Мне пора!

Цинь Цзыюй разочарованно вздохнул:

— Эх... А мы с таким трудом сюда попали. Я ещё хотел тебе аптекарский сад показать. Двоюродный брат говорит, в Долине Короля Снадобий сейчас один талантливый юноша, Фан Хуань, лекарства составляет. Не хочешь взглянуть?

Фан Шэн как раз занимался лечением Ли Гуаньцзина, потому даже не спеша уходить, тот не проявил бы особого интереса к Фан Хуаню. Он вежливо отказался:

— Лечение — не дело одного дня. Успею и по возвращении.

— Пожалуй, и так можно.

Чай Синь тоже поднялась:

— Я с тобой.

— Эй-эй! Вы оба — а я? — забеспокоился Цинь Цзыюй.

Чай Синь усмехнулась:

— Ты редко выбираешься — погуляй один.

Цинь Цзыюй лишь молча вздохнул и пошёл за ними. Выйдя слишком рано, они удивили ожидавших у ворот слуг. Ли Гуаньцзин вскочил в седло, взял поводья и, глядя на Цинь Цзыюя, сказал:

— Возвращайтесь по домам.

Чай Синь уловила намёк. Сделав вид, что разъезжается с Цинь Цзыюем, она на самом деле не поехала в свой квартал. Разлучившись с ним, она развернула коня и направилась к резиденции князя Юйхана. Как и ожидалось, Ли Гуаньцзин ждал её во дворе.

— Это про меня? — спросила она, переступая порог. — И нельзя, чтобы Цзыюй знал?

— Насчёт того снадобья в день Циси у меня есть догадка.

Чай Синь вздрогнула:

— Кто?

— Возможно, Сьюань.

— Ты... Ты понимаешь, что говоришь? — Чай Синь потянулась, чтобы потрогать лоб Ли Гуаньцзина, убедившись, что у него нет жара. Она была в полном недоумении. — Сьюань? Наш Сьюань, с которым мы выросли? Да как такое возможно?

Ли Гуаньцзин, услышав сегодня от Чай Синь имя Лан Сьюаня, вдруг вспомнил об этом. Но объяснить, откуда взялась эта догадка, он не мог — тем более что дело наследного принца Инь было дворцовой тайной. Не имея полной уверенности, Ли Гуаньцзин не решался раскрывать её. Подумав, он сказал:

— Ты говорила, что в армии тебе подсыпали снадобье, а потом тот военный лекарь бесследно исчез. Ты тогда сказала, что не можешь доложить об этом генералу Лану. Но что, если взглянуть иначе: вдруг генерал Лан и вправду знал?

Чай Синь на мгновение застыла, затем не выдержала:

— Но генерал Лан растил нас... Что-то случилось? Почему ты думаешь, что это они?

<http://bllate.org/book/15944/1425500>